

Разности, содержащиеся въ послѣднемъ столбцѣ этой таблицы, дѣйствительно показываютъ, что вычисленные по принятой мною интерполяціи температуры для зимнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ выше, а для лѣтнихъ и осеннихъ ниже дѣйствительныхъ, если за дѣйствительныя температуры принимать тѣ, которые получаются посредствомъ формулы. Но, во-первыхъ, эти разности вообще (относительно) очень малы, а, во-вторыхъ, онъ не выражаютъ еще точнымъ образомъ разностей между дѣйствительными и вычисленными температурами, потому-что между дѣйствительными и вычисленными температурами старого стиля также имѣютъ иѣсто (вообще) не меньшая разности. Кромѣ того, эти разности, какъ видно изъ послѣдняго горизонтального столбца таблицы, не имѣютъ никакого вліянія на годичную температуру.

Сказаннаго мною, думаю, очень-достаточно для убѣждевія г. рецензента моей книги въ томъ, что невыгодный для меня приговоръ, произнесенный имъ о первомъ отдѣлѣ труда моего, не имѣть тверлаго основанія, и что всѣ таблицы, выведенныя мною на основаніи таблицы I, имѣютъ болѣе или менѣе то значеніе, которое я имъ приписываю; слѣдовательно, результаты, доставляемыя ими, нельзя объяснять одною неточностію моей интерполяціи, какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣлано въ рецензіи на мою книгу. Предѣлы письма не позволяютъ мнѣ распространяться о другихъ упрекахъ и замѣчаніяхъ, дѣлаемыхъ инѣ г.-мъ рецензентомъ (*). Мнѣ остается только поблагодарить его за доставленіе случая—объяснить главный вопросъ не только ему,

но и многимъ другимъ читателямъ моей книги, которые дѣлали мнѣ словесно подобныя же возраженія противъ принятаго мною способа интерполяціи. Исполняя эту пріятную для меня обязанность, имѣеть съ тѣмъ свидѣтельствомъ моему рецензенту искреннюю благодарность за вниманіе, съ которымъ онъ разсмотрѣлъ мое сочиненіе и за то беспристрастіе, съ которымъ онъ отдаетъ предъ публикою должную справедливость остальной части труда моего.

Имѣю честь быть, и проч.

М. Спасскій.

Москва, 23 февраля.

1848.

ОЧЕРКЪ ДЕМОНОЛОГИИ КРЕСТЬЯНЪ ШЕНКУРСКАГО-УѢЗДА.

Крестьяне здѣшняго уѣзда вообще весьма суевѣрны; тѣ же изъ нихъ, которые живутъ въ отдаленіи отъ почтовыхъ трактовъ, еще болѣе вѣрятъ про-казамъ нечистой силы, которую большая часть крестьянъ называетъ *непріятной силой*.

Изъ воображаемыхъ героевъ этой *непріятной силы* примѣчательнѣе про-чихъ: дворовый, лѣсной и водяной; вѣдьмъ и русалокъ здѣсь не знаютъ, но за то означеніе три представите-ли здѣшней *непріятной силы*, болѣе или менѣе разнообразными качествами, приписываемыми имъ; почти вполнѣ замѣняютъ послѣдніхъ.

Пропу прощенія читателя въ не-большомъ отступленіи. Какъ жалки крестьяне въ своемъ упорномъ невѣ-жествѣ, крестьяне, въ другихъ отно-шеніяхъ умные, сметливые, тѣмъ бо-льше они достойны жалости, что пред-положенія свои относительно сущес-твованія и проказъ *непріятной силы*, основываются на словахъ св. писа-

(*) Г. Спасскій назначалъ свои «Замѣчанія» для 3-й книжки нашего журнала, и, можетъ-быть, спѣша отправить ихъ къ намъ, не коснулся другихъ вопросовъ; но статья его доставлена въ Редакцію «Отеч. Записокъ» поздно и могла быть напечатана только въ вышедшемъ мѣся-цѣ.
Ред.

нія, и если вы вздумаете разувѣрять ихъ въ томъ, что они ложно понимаютъ высокія истины Евангелія, они рѣшительно не повѣрять вамъ и главнымъ защитникомъ своихъ глупыхъ вѣрованій представятъ какого-нибудь деревенского грамотѣя, который, бѣгло читая церковныя книги, нерѣдко отправляетъ должность приходскаго чтеца.

Это — одна причина ложныхъ его вѣрованій; другая, не менѣе важная, по-моему, та, что крестьянинъ, бывъ мальчикомъ, свыкается съ мыслю о существованіи сильныхъ, нечеловѣческихъ силъ, помогающихъ крестьянину-отступнику въ его нуждахъ, силъ, о которой даже родители его (образецъ и примеръ всего для ребенка) говорятъ съ увѣренностью и страхомъ. Пужено ли прибавлять здѣсь, какъ чутко ухо ребенка ко всему, что говорятъ при немъ, и если придать къ этому открытую настроенность дѣтской души, неопытную, мягкую восприимчивость всего чудеснаго, то выйдетъ, что крестьянинъ начинаетъ запутываться въ этой сѣти чуть ли еще не въ зыбѣ. Кто жъ тутъ виноватъ?

Однажды вздумалъ я увѣрить крестьянина въ томъ, что земля есть шаръ, и что она обращается на своей оси. Показъ многихъ съ его стороны вопросовъ, разрѣшенныхъ мною на-прим., о томъ: «почему, при вседневномъ обращеніи земли на своей оси, вѣтеръ дуетъ постоянно съ одной и той же стороны, положимъ, съ сѣверной нерѣдко по цѣлой недѣльѣ, и почему иголка въ маткѣ (*), при ежедневномъ обращеніи».

(1) Матка — комнѣсъ очень-малаго объема; иголка въ маткѣ — двѣ намагнченныя иголки, приклѣенныя къ листу бумаги, на лицевой сторонѣ которой означены положенія странъ сѣвѣта; иголки туپыми концами упираются въ мѣдную шляпку, вставленную въ средину бумаги, которую, шляпкой, бумага надѣвается на стальной шпенекъ, воткнутый въ центръ dna коробки; очевидно, что сѣверный конецъ иголки обращаетъ бумагу съ условнымъ знакомъ N къ сѣверу. Довоально-

нії земли, не перемѣняеть своего положенія?» Минѣ наконецъ удалось увѣрить его въ моей теоріи. Желая увѣрить того же крестьянина въ ложности его мнѣній относительно нечистой силы, я напрасно употреблялъ всѣ возможныя доказательства, напрашно утверждалъ, что подобные предразсудки противны религіи, и потому уже грѣшины,—онъ былъ непобѣдимъ. На послѣднюю попытку мою онъ сказалъ: «я дивуюсь, ваше благородіе, вы знаете таиня хитрости обѣ нашей землѣ, а не знаете того, что всякому мужику извѣстно съ малолѣтства!»

Свѣдѣнія, почерпнутыя ими изъ глупыхъ словъ какого-нибудь доморощеннаго грамотѣя, они стараются распространить между собою: отсюда многое множество анекдотовъ, которымъ всѣ вѣрятъ, начиная съ разскатаика до послѣдняго слушателя. Все это сказано съ тою цѣллю, чтобы показать читателю, до какой степени здѣшніе крестьяне утвердились на своихъ предразсудкахъ, и какъ трудно разувѣрить ихъ въ ложныхъ понятіяхъ.

Обращаюсь къ предмету статьи.

Прежде, чѣмъ стану описывать *дворовою*, скажу нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ крестьяне знакомятся съ нимъ, т. е. какія средства употребляютъ для того, чтобы заслужить его знакомство и милость. Крестьянинъ, желающій пользоваться помощью *дворовою*, разумѣется, прежде всего, долженъ его увидѣть; для этого знахарисовѣтуютъ ему стараться какъ можно-скорѣе, даже, если можно, первому получить отъ священника по окончаніи заутрени на св. Пасху красное яйцо; сѣвѣчку, которую онъ будетъ держать въ рукахъ въ-продолженіе службы, по окончаніи оной велять унести домой, вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ.

Если оба эти условія выполнены, т. е. яйцо и сѣвѣчка унесены мужикомъ значительная тяжесть бумаги въ намагнченныхъ иголкахъ не производить почти никакого колебанія: это очень-удобно для крестьянъ-охотниковъ.

въ свою избу, ему остается только ночью, до пѣтуховъ, взять въ одну руку зажженную свѣчу, а въ другую красное яйцо и, ставъ предъ отворенной дверью хлѣва, сказать слѣдующія слова: «дядя дворовый, приходи ко мнѣ, не зелень, какъ дубравный листъ, не синь, какъ рѣчной валъ, приходи такимъ, каковъ я; — я тебѣ христовское яичко дамъ!» Послѣ этихъ словъ, какъ утверждаютъ истые суевѣры, изъ хлѣва выйдетъ мужикъ въ такомъ же лопотѣ, какъ и спрашивающій, наружность, пріемы его будуть совершенно такие же, какъ и у спрашивающаго: однимъ словомъ, къ нему придетъ домовой предупредительный, услугливый для первого знакомства, въ образѣ его двойника.

Тутъ начинается сцена условій.

Въ замѣнъ всѣхъ требованій крестьянина, домовой требуетъ отъ него одной только тайны ихъ свиданія и знакомства: чтобы ни въ сонной грезѣ, ни въ пьяномъ видѣ, ни отцу, ни матери, ни попу не говорилъ онъ объ этомъ свиданіи. Если крестьянинъ не выполнитъ этого условія, предупредительный домовой сожжетъ избу, переведеть весь скотъ у мужика и, наконецъ, доведеть до такого отчаянія крестьянина-обманщика, что онъ самъ «наложитъ на себя руки», т. е. застрѣлится, зарѣжется или удавится.

Это условіе, предварительно сказанное захаремъ, спасаетъ многихъ суевѣрныхъ крестьянъ отъ грѣшныхъ и нелѣпыхъ искальствъ.

«Есть трава на земли св. Глава, растетъ по раменскимъ (?) мѣстамъ кустиками, высотою въ пядь, цвѣтъ багрянъ и рудожелтъ; расцвѣтаетъ вельми хорошо, что кукишицы, всякимъ видомъ а коли хошь діавола видѣть, или еретика (2), корень этой травы освяти св. водою, послѣ возьми и носи при себѣ и узриши водяныхъ, воздушныхъ и домовыхъ.»

а коли хошь діавола видѣть, или еретика (2), корень этой травы освяти св. водою, послѣ возьми и носи при себѣ и узриши водяныхъ, воздушныхъ и домовыхъ.»

(2) См. ниже, описание еретика. А. Х.

Есть еще способы, которые, благодаря таинственности здѣшнихъ колдуновъ, неизвѣстны крестьянамъ и которые, къ-несчастію, сопряжены съ такимъ фанатическимъ отверженіемъ всего святаго, что дажѣ самый отчаянныи атеистъ заткнетъ уши, чтобы не слышать этихъ страшныхъ заклинаній. Теперь, благодаря распорядительности мудраго правительства, послѣ учрежденія приходскихъ училищъ, прежніе предразсудки мало-по-малу исчезаютъ; но это дѣло времени.

Постараюсь описать здѣшняго домового такимъ, какимъ представляютъ себѣ наши колдуны. Разборчивость во вкусахъ, вотъ одна изъ отличительныхъ чертъ здѣшнихъ домовыхъ. Если домовому не понравится черный цвѣтъ, то хозяинъ дома напрасно будетъ заводить черныхъ котовъ, барановъ: разборчивый домовой переморить весь скотъ, имѣющій цвѣтъ шерсти, ему противный; крестьяне, покупающіе для домашнихъ нуждъ скота и птицъ, принуждены подчинять себя этимъ воображаемымъ причудамъ домового. Если кто-либо изъ крестьянъ имѣеть случай продать корову выгодному покупателю-сосѣду, онъ прежде сообразуется съ положеніемъ домового того дома, въ который продаетъ, къ цвѣту шерсти продаваемой коровы (подобные склонности домового онъ узнаетъ отъ старухъ); если цвѣтъ шерсти продаваемой скотины домовому покупателя любъ, дѣло слажено и продавецъ въ барышахъ, въ противномъ случаѣ, онъ, сознавая всю справедливость этого повѣрья, отправляется къ другому, менѣе выгодному покупателю. Цвѣтъ шерсти, противный домовому, здѣсь зовутъ цѣломъ не по двору; цвѣтъ же пріятный ему, называютъ любымъ.

Крестьянинъ купилъ на ярмаркѣ вороную лошадь; лошадь была нездорова; чрезъ мѣсяцъ она околѣла; случай привелъ вмѣстѣ съ лошадью околѣть и черной коровѣ; крестьянинъ, твердо увѣренный, что это проказы домового, спѣшилъ задешево распродать чер-

ныхъ барановъ, куръ и пр., боясь повторенія тѣхъ же странныхъ для него лишеній.

Здѣшній домовой живетъ семьяниномъ; о женѣ ~~и~~ го крестьяне ничего не знаютъ, дочерей же его воображение ихъ надѣлило всѣми возможными прелестями. Онѣ вѣчно юны. Дочь домагаго живетъ въ состояніи ребенка до-тѣхъ-поръ, пока отецъ ея не войдетъ въ сношенія съ человѣкомъ; дождавшись этого, она получаетъ возможность любить человѣка; эта возможность усиливается и обращается въ страсть сильную, безусловную; но предметомъ страсти ея можетъ быть только человѣкъ, живущій подъ одною крышею съ знакомцемъ отца ея. Если знакомецъ этотъ, т. е. крестьянинъ, дружный съ домовымъ, живетъ одинкомъ, тогда дочь домагаго по-прежнему будетъ ребенкомъ; если же съ нимъ живетъ кто-либо изъ родныхъ его: племянникъ, внукъ или др., то на него обрушится вся бѣда: если онъ будетъ такъ слабъ, что голубые глаза чародѣйки очаруютъ его и онъ бросится на роскошную грудь ея, тогда онъ погибъ: но лучше я поясню это примѣромъ.

Живетъ въ деревнѣ мужикъ-довеца, сѣмь-другъ съ сыномъ: и хозяинъ бы, кажись, тароватъ, и дома бы хорошо, да одно худо: знается, старый, съ не-пріятной силой, сливеть за колдуна, вѣдуна. У кого пропадетъ корова, лошадь, обокрадутъ ли кого, — всякъ идетъ къ дядѣ Якову съ поклономъ: отговорить неминучую, поставить на слѣдъ въ покражѣ; Яковъ побираетъ съ мужиковъ и живетъ весело. Сынь у Якова уже работникъ: навалитъ бревно въ зимнюю пору, сѣздишь за сѣномъ, срубить въ день комлей десятковъ семь смолья считаетъ онъ беззѣлицей; да и самъ онъ мужикъ осанистый, плечистый, ростомъ отца назади оставилъ, въ лице кровь да молоко, а зовутъ его Савельемъ. Забролила у него на умѣ Анна, дочь дѣнежного сосѣда Фомы, дѣвка статная, тончайшая

(тонкая), глаза голубые и косы до икры.

Призарила дѣвка Савелья, да такъ призарила, что въ ту же пору, хоть камень на шею да въ воду; и сватовъ *позасыпалъ* онъ къ отцу Анны, и самъ-то плакался ей: «пойди, да пойди за меня: тебѣ хуже не будетъ!» Нѣтъ: дѣвка шутить, хохотать, а пугти нѣтъ; и къ знахаршамъ-то ходилъ, что въ недѣлю пересватываются свадьбы, за *присущими* зельями, — ничто не береть: по-прежнему, передъ нимъ какъ свѣча горятъ два голубые глаза дѣвки-сосѣдки, и вся она, какъ птица, носится надъ нимъ, а взять нѣчего.

Однимъ днемъ обѣдаетъ стариkъ Яковъ съ сыномъ Савельемъ, на дворѣ рѣзкій вѣтеръ *пондситъ* мелкій снѣгъ; дядя Яковъ, кончивъ обѣдъ, обращается къ сыну:

— А что, Савка, пончель бы ты, да накололъ иношу, другую дровъ: заутѣхъ избы нѣчѣмъ!

Пошелъ Савелій по подоконью искастъ кряжей; нѣсколько разъ брякнуль обѣ дрова топоръ и все смолкло; глядѣть Яковъ въ окно, а сынъ стоять, опустивъ руки и голову и топоръ глубоко улѣпленъ въ древесину.

— Савка! Съ этой поры прибился, руки, говорять!

Парень снова тюкнуль разъ полдесятокъ и опять все смолкло, а онъ, бѣдный, наклонилъ голову; думаетъ думку: мучить душу его дочь сосѣда, Анна.

— Да, виши, мы бѣдны, говорять, отдаютъ ее въ утряхъ за Фрола, онъ богать, говорять! пробормотала Савелій, опять замолчаль, а топоръ въ ста-ромъ *щапу* улѣпленъ и не вынутъ.

Встрепенулся Савелій, наскоро поправилъ шапку; прежде тусклые глаза его заблестѣли и лицо, недавно пасмурное, прояснилось радостью: онъ увидѣлъ дочь денежнаго сосѣда — Анну.

— Всю ночь грезился ты мнѣ, Савелій, тошно мнѣ идти за старого Фрола; добѣги завтра около ночи въ ста-

иокъ, что на Нюнегѣ (3), я прійду, а теперь недосугъ, прости!

На другой день, послѣ полдня, Савелій говорить отцу:

— Батюшка, мѣрды по Нюнегѣ давно не смотрѣны, пойдти сегодня, не попадетъ ли рыбъ на варю?

— Пойди, не то, посмотри, да трутоношу (4) захвати: не узнаешь, что почему пойдетъ, быватъ и обночушься!

Недолго снаряжался Савелій: за пазуху сунулъ трутоношу и ломоть хлѣба, на голову шапку и—пошелъ. Пришелъ въ станокъ, не знаетъ, какъ день скропотать: сходитъ подереть на лапти бересты, дровъ приброситъ въ очагъ, а ея все нѣтъ! Наконецъ, когда уже пріѣтно стемнѣло, Савелій уснулъ; въ очагѣ потухъ огонь и только синее пламя инде скакало изъ угольевъ. Дверь безъ шума отворилась и явилась она, желанная.

Онъ пробудился отъ легкаго прикосновенія, пробудился—и передъ нимъ голубоокая красота сѣвера сверкаетъ, распаленная безстыдствомъ вакханки; ненасытимый, глядить онъ на эту русую косу до икры, любуется сокрушительнымъ блескомъ очей, его заранѣе обдастъ жаркимъ паромъ дѣвической груди, а карминъ весеннихъ устья ея такъ и проситъ поцалуя. Онъ стиснуль зубы, крѣпко сжаль пальцами горячую свою голову: онъ чутъ не обезумѣлъ отъ одного взгляда на эту красоту. По привычкѣ, онъ шепчетъ молитву: видѣніе исчезаетъ и онъ опять одинъ, въ проконтѣвшемъ дымомъ ставкѣ, съ ужасомъ прислушивается къ отдаленному хохоту незваной сестрѣ Анны, а больное сердце тоскуетъ: отъ него оторвали что-то, безъ чего оно—сирота!

(3) Незначительная рѣчка въ Шенкурскомъ-Уѣздѣ, одинъ изъ притоковъ Ваги.

А. Х.

(4) Трутондша, нач. трутъ, кожаная сумочка, въ которой носять мужики огниво и трутъ, для разведенія огня, отправляясь изъ дома на-долго. Въ просторѣчіи трутоноша.

А. Х.

Спѣшу прекратить мой трескучій, риторическій разсказъ, боясь утомить вниманіе читающаго, который, конечно, ищетъ въ статьѣ не набора словъ, а дѣла коротко и ясно изложеннаго.

Если мужикъ, или Савелій до того слабъ, что не на шутку полюбилъ эту гостью, въ которой, вѣроятно, уже всеѣ узнали дочь домового, то она старается поддержать эту страсть, являясь ему во снѣ; опутывая такимъ образомъ любовника, она наконецъ является ему явно и тогда уже начинается между ними страшная для всѣхъ мужиковъ связь. Ненасытимая, она ревнива въ высшей степени; для нея страсть не гаснетъ; она въ любви къ нему постояннa. Она просить и умоляетъ у него тайны ихъ сношеній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она — страшный, неотступный его соглядатай; гдѣ бѣ ни былъ онъ: въ гостяхъ ли, въ церкви ли, она постоянно съ нимъ, невидимая никому.

Если мужикъ, наскуча этой страшной любовью, бросить ее, она отмстить ему: любовника, измѣнившаго ей, она такъ очаруетъ, являясь къ нему во снѣ, что онъ, тоскуя по ней, послѣ муничтальнаго мѣсяца одиночества *ушалѣтъ*, т. е. сойдетъ съ ума; если же онъ кому либо скажетъ про свои связи съ нею, она доведетъ его до крайняго несчастія: онъ будетъ *трусъ-самоубийца*.

Если же мужикъ до того твердъ, что въ состояніи противиться прельщеніямъ чародѣйки, то, разумѣется, она страдаетъ и ищетъ себѣ друга уже между лѣшиими. Я ничего не слыхалъ про плодъ, который долженъ произойти отъ сожитія мужика съ дочерью домового.

Кромѣ прежде описанныхъ качествъ домового, долженъ упомянуть я о необыкновенной, всепоглощающей дѣятельности его. Предавшись мужику въ нижайшіе рабы, онъ ежечасно требуетъ отъ него работы; когда тотъ, по необходимости, долженъ будетъ отказать ему въ этомъ, онъ, домовой, неумолимо сѣдѣть за нимъ, въ ожиданіи получить отъ него какое-либо дѣло, и,

собственно для того, чтобы наблюдать за молчаниемъ своего господина, то есть, за тѣмъ, чтобы тотъ не открылъ кому-либо сношенній своихъ съ нимъ.

Если мужичекъ-колдунъ захочетъ выпить съ собратами штофъ-другой вина, онъ, заранѣе, удаляетъ отъ себя домоваго, какъ опаснаго и скучнаго, но тайного свидѣтеля, занявъ его каюю-либо нечеловѣческой работой: «свѣй изъ песка веревку, аршина въ два длины и принеси въ избу», или: «поставь лиственницу вершковъ девяты вершиною въ землю, а комлемъ въ верхъ» и пр. Докучливый и опасный домовой удаленъ и мужикъ беззаботно пьетъ и веселится, не боясь ужаснаго надсмотрщика. Трудолюбивый домовой, изъ охоты услужить своему повелителю, не бросить этой работы по крайней-мѣрѣ въ-продолженіе трехъ дней, и тогда уже, видя совершенную невозможность окончанія дѣла, онъ, съ повинною, идетъ къ мужику и снова проситъ дѣла: мужикъ разыщаетъ по всему двору (дворъ здѣшняго мужика, это — мѣсиво грязи) своему рѣшета три лѣниаго, или конопляного сѣмени; — старикъ-домовой подбираетъ все это до иослѣдняго сѣмечка включительно и мужикъ снова свободенъ въ дѣйствіяхъ и разговорахъ.

Крестьянинъ, подружившійся съ домовымъ, постоянно скученъ, таинственъ въ своихъ дѣйствіяхъ; между тѣмъ, удачи за удачами мужику: сосѣди на базарахъ продаютъ муку свою вдвое дешевле противъ него; сосѣди въ-продолженіи двухъ недѣль наловятъ рыбы въ мѣрды (5) съ полпуда; крестьянинъ, дружный съ домовымъ, это же количество достанетъ въ день. Самыя стихіи гораздо благосклоннѣе къ этому мужику, чѣмъ къ его собратамъ: у сосѣдей расцвѣтшая рожь побита градомъ, рожь на его полосѣ спокойно цвѣтѣтъ, помавая колосьями по вѣтру.

Теперь скажу нѣсколько словъ о лѣшемъ.

Крестьянинъ, желающій сискать милость лѣшаго, долженъ въ ночь предъ ивановымъ днемъ отправиться въ лѣсъ и, найдя осину, срубить ее такъ, чтобы она вершиною упала на восточную сторону; на пнѣ срубленной осины, ставъ лицомъ на востокъ, онъ долженъ нагнуться и, глядя въ отверстіе, образовавшееся межъ ногами, говорить слѣдующее: «дядя лѣшій, покажись, не сѣрымъ волкомъ, не чернымъ ворономъ, не елью жаровою: покажись такимъ, каковъ я!»

Послѣ этого около мужика зашелестѣть, какъ отъ легкаго вѣтра, листья осины и лѣшій, въ образѣ мужика, является на призывъ (6). За тѣмъ слѣдуютъ сдѣлки: этотъ, болѣе взыскательный, чѣмъ домовой, требуетъ за свои услуги душу мужика по его смерти; онъ не требуетъ, подобно домовому, хранить въ тайнѣ ихъ знакомство, но не позволяетъ ему и хвастать его услугами предъ своими собратами.

Подружась съ мужикомъ, онъ даетъ ему заклятіе дѣлать все, что онъ въ состояніи сдѣлать по приказанію мужика: «нагнать ли тебѣ стада лисицъ, куницъ, заставь и — готово; украдти ли у недруга въ лѣсу дорогу, — собью съ пути, и онъ погинеть подъ высокорю; показаться ли тебѣ елью мохнатою, или разлечься бѣльмъ мохомъ по землѣ, навести ли тебя на стада лѣсныхъ птицъ, — все я сдѣлаю для тебя, только не хвастай моимъ умѣньемъ, не кажи меня твоимъ товарищамъ; если ты меня и при товарищахъ позовешь, я прійду, а послѣ тебѣ спасиба не дамъ: наведетъ волюшка на неволю!» Вотъ все, или почти все, что лѣшій въ состояніи сдѣлать для мужика, предавшагося ему.

(6) Снова повторяю сказанное: есть много средствъ для сисканія дружбы «непріятной силы», но они отвратительны и ужасны.

(5) Мѣшокъ изъ ивовыхъ вѣтвей для золови рыбы.

Здѣшній лѣтій, какъ говорять, живеть почти такъ же, какъ и мужики въ селахъ; если онъ, ходя по лѣсу, до темна захочеть спать, то онъ спокойно отправляется въ станокъ (лѣсная избушка) и ночуетъ тамъ. Въ здѣшнихъ лѣсахъ нерѣдко на разстояніи 25, 30 квадратныхъ верстъ, господствуютъ два, три лѣтіихъ; каждый изъ нихъ занимаетъ какую-либо избушку и живеть, не зазнаваясь предъ товарищами. Слыхалъ я отъ многихъ, что наши сѣверные лѣтіе не прочь иногда и гульнуть: обѣ этомъ напоминаютъ оставшіяся въ памяти народа названія нѣкоторыхъ изъ лѣсныхъ избушекъ; такъ изба подъ кружаломъ, изба подъ кабачкомъ. На вопросъ мой: откуда эти названія? одинъ старожилъ отвѣчалъ: «да не знаю, батюшка, правда ли, нѣтъ ли, а толкуютъ, что тутъ изъ вѣковъ былъ кабакъ, да не нашъ, а кабакъ для непріятной силы, для лѣтихъ; здѣсь они пировали свои поганыя свадьбы, здѣсь и кумились и братались; кабы покойникъ отецъ живъ бытъ, онъ бы все раскладъ тебѣ, а я и не такъ, чтобы вѣвсе старѣсь петрова-поста на восьмой (десятокъ) пошло, да, поди ты, память заорало, что будешь!»

— Ты говоришь, что постомъ ты вступишь на восьмой десятокъ, и при всемъ томъ, не хочешь называться старикомъ!

— Какая это старость, семьдесятъ годовъ: покойный дѣдъ мой девяносто лѣтъ въ пору санныя завертки завертывали; санные полозья гнуль до той поры, пока не отемнѣль (ослыпѣ). Да нынче, баринъ, все стало не по старому: и лѣсъ-то прежде былъ крѣпче; посмотри, дѣдъ Якова оставилъ избу лѣтъ тридцать тому, я и на оклади-нахъ былъ, — и теперь стоитъ, какъ новая, а у Семена въ концѣ (деревни) четыре года, какъ поставлена, а всѣ углы огнили; да что говорить, ребята, и камень-то хилѣ старого сталь: прежде каменцу въ башѣ складешь, — два года лежить крѣпкая, а теперь по-пробуй-склади, и полугода не проле-

житъ. Охъ, ребята, не тѣ времена прошли, Богъ видѣть, не тѣ! Хоть прорыбу скажу: прежде, вотъ Степанъ живѣ, не ласть сорвать, прежде Нюнега-матушка, что день, то пудъ рыбы даетъ, а теперь, сказывай, ребята, много ли надобывано, а?

А знаете ли вы, что такое свадьба лѣтихъ? Здѣшніе лѣтіе празднуютъ свадьбы свои шумно, разгульно (7). Если вы увидите въ лѣсуолосу вырванныхъ съ корнями деревьевъ, не проходимую отъ множества валежника, знайте, что на этомъ мѣстѣ была свадьба лѣтіаго съ лѣтухой. Ни одинъ мужикъ не осмѣлитъся лечь въ лѣтнюю пору, для отдыха, на лѣсной дорогѣ: онъ побоится слущая лѣсной свадьбы; если онъ, лежа на дорогѣ, будетъ препятствіемъ этому веселому поѣзду, то его уходитъ будущій счастливецъ-женіхъ, или онъ будетъ растоптанъ. Ударъ грома во время свадьбы превращаетъ всю честную компанию лѣтихъ и лѣтухъ въ россомахъ, отъ-того этого звѣра здѣсь считаютъ проклятымъ. Плодъ, происшедши отъ соитія этой четы (лѣтіаго и лѣтухи), какое-то чудище, имѣющее человѣческій видъ; обжорливость и безобразіе, вотъ главныя качества новорожденнаго. Родители младенца-лѣтіаго употребляютъ всѣ средства къ тому, чтобы подмѣнить этимъ ребенкомъ какого-либо христіанскаго младенца, еще не крещенаго: надѣ крещеніемъ они не имѣютъ власти. Если имъ это удастся, они будутъ воспитывать украшенаго, какъ своего и въ-послѣдствіи онъ будетъ такимъ же лѣтімъ; тотъ же, котораго они покинули на чужихъ рукахъ, будетъ жить, есть, спать и — только. Онъ не обнаружить до одиннадцати лѣтъ никакихъ признаковъ разума; никакой работы, сколько-нибудь требующей разумѣнія, сметки, онъ не въ состояніи сдѣлать; между-

(7) Я не могъ развѣдать отъ крестьянъ подробностей объ этихъ свадьбахъ; вѣроятно, повѣрье это потеряно между ними.

прочимъ, онъ силенъ, какъ конь: онъ держитъ двадцать пять пудовъ, какъ мы дѣсять фунтовъ. Въ народѣ зовутъ его обмѣномъ, обмѣненнымъ, усиливомъ (8). Я сказалъ, что до одиннадцати лѣтъ въ немъ не видно ничего человѣческаго, кроме наружности; послѣ этого времени онъ скрывается: онъ убѣгааетъ въ лѣса къ родителямъ; воспитатели же его богатѣютъ: благодарный *усилокъ-обмѣнъ* по-временамъ приносить имъ кошеми звонкихъ рублей. Мужикъ въ синемъ армякѣ, гѣвая пола на верху (9), на головѣ плисовая съ бѣльковымъ окольшемъ шапка, строченыя рукавицы и сапоги устюжскіе съ выпуклыми закаблучьями, на которыхъ хитро-прехитро пристрочены всякие узоры—вотъ онъ, ихъ воспитаникъ; узнаете ли вы его, въ этомъ нарядѣ, его, котораго недавно всѣ отъ мала до велика въ деревнѣ называли пухлымъ наливомъ и обѣзвой сукой.

Лѣпій по природѣ золь; онъ, въ противность домовому, любить смотрѣть на несчастія людей; онъ любить ни съ того, ни съ сего пошутить надъ человѣкомъ, т. е. любить заставить его походить лишнихъ часовъ семь по лѣсу, отыскивая дорогу; для этого онъ пускается на всякия уловки. Онъ на-примѣръ, превращается въ сосну, ель, и при этомъ превращеніи принимаетъ ненатуральное положеніе въ отношеніи къ странамъ свѣта (10); за-

блудившійся смотрить на дерево, по-вѣряетъ себя, оглядывается на прочія деревья: впереди его ель, съ сѣверной стороны и сучковъ, почитай, нѣтъ, а кора, какъ войлокомъ, обтянута съ сѣвера мохнатой *шастой* (мохъ на корѣ ели); зайдеть къ ели съ другой стороны, съ южной,—кора гладка, какъ бумага и сучья шатромъ свѣсились къ землѣ. «Что за причина?» думаетъ мужикъ: «шелъ я, кажись, ладно на сѣверъ, а теперь, посмотрѣть по ели, сѣверъ назади остался; дай, пойду куда гласитъ дерево,» и продолжаетъ кружиться около одного мѣста, а лѣпій, вдоволь наѣшившись надъ мужикомъ, отправляется во свояси, ходяча во все горло.

Два охотника — промышленника, съ наступленіемъ вечера, приходя въ *станокъ* перемокшѣ, озябшіе; они еда въ состояніи добѣть изъ кремня огонь, для отопленія избы. Одинъ изъ нихъ кладеть въ каменку сухія дрова, держа въ зубахъ зажженую лущину и дрожа всѣмъ тѣломъ. Огонь пылаеть въ каменкѣ, горшокъ съ водою, въ который брошено нѣсколько ячменныхъ крупъ и насыпано толокно, началь заkipать, и мужики, обогрѣвшіеся, сидѣть, и, весело поговаривая, снимаютъ шкурки съ бѣлокъ, которыхъ они настрѣляли въ-продолженіе коротень-каго осеннаго дня; *обсыпанныхъ* бѣлокъ они кидаютъ собакамъ и тѣ съ жадностію поглощаютъ эти лакомые куски.

Однаго изъ мужиковъ я назову хотя Васильемъ, другой пусть будеть Петръ. Петръ пошелъ изъ избы съ котелкомъ къ рѣкѣ зачерпнуть воды и увидѣть у порога избы, освѣщенной мѣсяцемъ, полный штофъ вина: «Эй, Василий, слыши, Василий, поди, говоро-

(8) *Усилокъ* — имѣющій необыкновенную силу, силачъ. *Обмѣнъ* — подмѣненный, обмѣненный — употребляется въ народѣ, какъ брань.

(9) Здѣсь говорятъ, что лѣпій, домовой и водяной, принявъ на себя образъ человѣка, отличаются отъ него тѣмъ только, что, вопреки крещеному люду, носятъ армяки, сукманники, щубы и полушибуты, запахивая ихъ лѣвою полою па верхъ; непріятную силу потому и знать.

(10) Мужики, промышляющіе въ здѣшнихъ безконечныхъ лѣсахъ, ходятъ безъ компасовъ, нѣкоторые же изъ нихъ, начинаяющіе, носятъ съ собой компасы; первые узнаютъ положеніе странъ свѣта по

извѣстнымъ имъ примѣтамъ: сосна, на-примѣръ, съ сѣверной стороны имѣеть сучья рѣдкія и короткія, тогда-какъ съ южной они часты и длинны; ель съ сѣверной стороны имѣеть на корѣ мохъ, защищающей древесину отъ жестокихъ сѣверныхъ вѣтровъ, и проч.

рять» закричалъ онъ, отворя дверь избушки: «глухой, не слышитъ! Смотри, я поднялъ штофъ: обронилъ кто-то, да не знаю, вино ли; посмѣтайко, я, той порой, сбѣгаю къ рѣкѣ.

Прошло немного времени. Въ полу-холодной избѣ мужички весело поговаривають, между разговорами они шопѣвають пѣсни; изъ полнаго штофа половина убыла; они продолжаютъ подноситься, вино убываетъ примѣтно; мужички уже почти пьяны. Дымника заперть (закрыть); въ избѣ тепло, какъ въ банѣ; все спать, только иногда еловый уголь, съ трескомъ выпрянувъ изъ тлѣющей каменки, превратить тишину. Уголья погасли, въ дымной избушкѣ совершенная темнота. Проглянуль мѣсяцъ и маленькое оконце въ станкѣ отпечаталось на полу свѣтлой рѣшеткой. Вѣтерокъ потянулъ съ болота и Нѣнега заплескалась.

Въ освѣщенное оконце кто-то сильно стукнуль костлявымъ пальцемъ, собаки охотниковъ подняли морды и заровчали, мужики проснулись. Въ стекло еще нѣсколько разъ стукнули съ единой стороны, мужикъ переглянулся и спросили стучащаго: «кто тамъ, не рано?» Въ окнѣ избы показалось лицо, бѣлое какъ береста; большие, тусклые, свинцоваго цвѣта глаза, ничего не выражая, глядѣли въ избу.

«Кто тамъ, скажись, кто тамъ, живъ человѣкъ?» опросилъ полупьяный Петръ.

— Какой тебѣ живъ человѣкъ: позундчики только, да еретики (11) ходятъ въ эту пору; вишь, какая нелюдская рожа уставилась, гляди-ко, Петръ!

— Ребята, раздался голосъ съ улицы: — чѣмъ грѣять надъ человѣкомъ, позвали бы его въ избу, да поспрашивали бы ладомъ: зачѣмъ пришелъ онъ по васъ; не подстрѣлилъ, а теребинь, дружокъ Василій; лучше одѣвайтесько, да пойдемъ со мной: не продайте,

ребята, при бѣдности! Мы, вдвое съ женкой, рубили комелью, порѣшили работу и пошли ночевать—ночлаговать въ эту избу, да чтѣ будешь дѣлать: шли по Михалевскому-Болоту, послѣ дождя мостовины смокли: жена одной ногой окатилась, а другойульнула межъ мостовины, — лежитъ и теперь, только ногу не выставила ли (12). Поспѣшите, братаны, пособите притащить до избы; гляньте въ окно: выяснило и вѣтерокъ съ обѣдника, на часу замерзнетъ; давай, выходите, ребята!

— Да кто ты? спросилъ Петръ.

— Захаръ, съ Рогова! отвѣтилъ человѣкъ за окномъ.

— Что, Василій, развѣ пойдемъ?

— Пойдемъ, не то; да въ посудѣ-то, не бось, осталось отъ вечѣршия, дохлебнемъ на дорогу; теплѣе будеть идти въ болото!

Если бы кто-нибудь въ это время поглядѣлъ на лицо въ окнѣ, онъувидѣлъ бы, какъ по лукавымъ губамъочного гостя проползла радостная улыбка (13).

Мужички вышли на дорогу стакана по два и, перекачиваясь, вышли изъ избы.

— Эй, ты, Прохоръ, или какъ тебя? сказалъ болѣе хмѣльной Петръ.

— Какой Прохоръ? Захаръ! оговорилъ Василій.

— Ну, Захаръ, что ли, бормочетъ пьяный Петръ: — да, вотъ что, Василій, дѣло надо говорить: пошли мы безъ трутеноши..... ну, метѣть (живеть) и такъ, давай, прѣвсѧ, Василій!

— Воротись, шальной, шапку оставилъ!

— Ахъ, да! отвѣтилъ пьяный Петръ, махнулъ рукой, сходилъ за шапкой, и

(12) Выставить како-либо членъ—вывихнуть, выломить.

(13) По разсказамъ мужиковъ, лѣтней охотѣе шутить надъ пьяными мужиками; пьяный—это для него клады! Кто не смѣкнетъ, что штофъ, найденный Петромъ, подкинути дѣшишъ.

отправились молодцы, предводимые Захаромъ съ Рогова.

— Слыши, ты, дворянинъ, куда круто? окричалъ передового Петръ.

Вожакъ пошелъ волынѣе. Назвавшися Захаромъ съ Рогова былъ мужикъ высокій, статный, только блѣдный и худощавый до-нельзя; бѣлый нагольный полушибокъ на немъ былъ запахнутъ лѣвою полою на верхъ: пьяные, они не догадались посмотретьъ на эту примѣтку. Идутъ они, а дорога лежитъ гладкая, какъ столешница: идти подходитъ. Не прошли двухъ verstъ, Петръ снова крикнулъ передовому: — Захарь! мы идемъ ровно по почтовой, куда ты повелъ: мѣсть опознать не могу; сколько ни хаживалъ я здѣсь, а такой торной, забитой тропы не по-примѣтилъ.

— Я огибаю болото по гравамъ! отвѣтилъ вожакъ и пошли дальше.

Мѣсяцъ покрылся облаками, началь крапатить дождь; вдругъ страшный, оглушительный ударъ грома прокатился по небу, сверкнула молнія и молодцы перекрестились и — стали, какъ пни. Петръ, осмотрѣвшись, увидѣлъ себя на обрывистомъ берегу какого-то широкаго озера, еще шагъ — и онъ бы упалъ въ него; Василій, шедшій сзади, увидѣлъ впереди себя сучковатую колоду, сзади выскорь, сажени въ двѣ вышиною, выдавиція корни которой переплели и перекрутили ноги его, а съ боковъ у него чащѣ такая, что и палки не пропихаешь; онъ поостаналъ отъ двухъ переднихъ и совершенно смѣшался, увидѣвъ себя въ такомъ мѣстѣ: притча, подумалъ онъ, шель, какъ по скатерти, а попалъ въ такое, прости Господи, непохожее мѣсто; Петръ, эй, Петръ, гдѣ ты? закричалъ онъ, чуть не плача. Послѣ этихъ словъ раздался по лѣсу рѣзкій, перекатистый хохотъ; это веселится лѣшій, насыбывшійся надъ ними.

Кой-какъ сошли съ молодцы: у обоихъ волосы въ шапки не убираются, такъ перепугалъ ихъ лядя Захарь съ Рогова.

— Гдѣ мы, Петръ? Чѣмъ это разсвѣ-

тилось впереди, по молнії? спросилъ Василій.

— Нюнежское! (14) отвѣчалъ Петръ и потащилъ товарища въ избу, где они спали и которая теперь была отъ нихъ въ двѣнадцати верстахъ.

— Не надо бы пить намъ, братъ Петръ!

— Ну, молчи, до дѣла: впору громъ граниулъ, впору и перекрестились!

Во время осеннихъ листопадовъ сбѣжала у мужика лошадь; мужикъ былъ работягой по казеннымъ подрядамъ, вывозилъ изъ лѣса къ рѣкѣ мачтовый деревья; попеньщины брали хорошия, работа посильная, не постыдная, денежки горячія: что дерево представишь, то подставляй кошель — и отсчитываютъ; сбѣжала, повторяю, у этого мужика лошадь. Мужикъ побѣгалъ, поехалъ: чѣмъ бы идти по дальнимъ уходамъ, да по горячимъ слѣдамъ, опятьнывать (15) ее, мужикъ нашъ съ горя пошелъ къ сосѣдямъ совѣтоваться обѣ лошади: « какъ скажешь, Иванъ, другой день коня во дворѣ нѣть; надобно деревья вывозить по подряду, да безъ лошади куда попасть: не на себѣ повезешь! » Тутъ поведутся разговоры, разсказы и кончится тѣмъ, что Иванъ посовѣтуется ему подать въ приказъ объявление о потерѣ.

— Какъ же, Иванъ, пока ходятъ по разнымъ мѣстамъ бумаги-то, куда я безъ лошади-то, а вѣдь это дѣло не часомъ повершать!

— Ну, какъ знаешь!

Наговорившись съ нимъ, мужичекъ отправляется къ другомусосѣду — Оломѣ: опять та же история, смотрить мужикъ — и день къ вечеру: « куда теперь пойдешь, на половинѣ дороги

(14) Озеро Нюнежское отъ устья рѣки Нюнеги verstъ 70; въ него течетъ означенная рѣзка; площадь его около 200 десятинъ.

А. X.

(15) Оплатнать коня — найти сбѣжавшаго коня по его слѣдамъ на земль; доплатнѣвать, пятнать — идти по направлению конскихъ слѣдовъ, въ надеждѣ найти коня.

А. X.

отемнѣешь! Прійдетъ мужикъ въ свою избу, а тамъ жена напустится на него: «ходиши, старый, по сосѣдямъ, чтобъ тебѣ взять у сосѣда? У него изъ двора сидомъ лошади не выведешь: пошелъ бы съ утра на дальня пожни, какъ знать, бывать и опятналь бы гдѣ; и мы бы не тужили: на дѣло пошелъ!»

Прошло еще дни два,—мужикъ взвалилъ на плечи кузовъ сухарей и пошелъ за лошадью; отошелъ онъ отъ жила верстъ восемь, видить: близъ дороги, на колодѣ, сидитъ мужикъ, около него винтовка и кузовъ съ хѣбомъ.

— Путь-дорога! Куда снялся, почтенный? спросилъ мужикъ съ винтовкой.

Мужикъ нашъ, обрадованный тѣмъ, что встрѣтилъ человѣка, которому можетъ высказать горе и который, съ участіемъ ли, безъ участія ли, а выслушаетъ разсказъ его о потерявшейся лошади, сложилъ съ плечъ кузовъ и сѣлъ подлѣ мужика съ винтовкой. Разсказавъ ему подробно о своемъ и есчастіи, онъ глядѣлъ на него, въ ожиданіи отвѣта.

—Шерстью воронаѣ была, говоришь, сказалъ незнакомый: — не было ли у ней надѣ правымъ глазомъ просѣдины?

— Родимый!...

— Да и ухо правое не съ изъянцемъ ли, не разсѣчено ли?

—Та и есть, кормилецъ, рассказалъ, какъ прочиталъ: моя самая, настоящая моя; и просѣдина надѣ глазомъ, и ухо разсѣчено, все, какъ у живой, какъ теперь, вотъ, право, гляжу; не покинь, кормилецъ, научи, гдѣ взять?

— Пойди къ согру, чтобъ за Дресвианкой, держися на-право, орѣлки (см. это въ словарѣ г. Борисова, въ От. Зап.), на средину не забираися, сегодня шелъ я по путьнику и видѣлъ ее около того мѣста; уѣжала, такъ слѣдъ (слѣды) оставила; опятнаешь, доберешься и до самой! сказалъ мужикъ и хотѣлъ идти.

— Да погоди, дядя, какъ тебя? За Дресвианкой, говоришь; да погоди же: тѣмъ часомъ въ деревнѣ не будешь, хоть табакомъ напохашь. Словоохотли-

вый мужичекъ вынулъ изъ-за пазухи берестяный пермѣнъ, открылъ и подносить незнакомому: «возьми, дядя, самъ съ ярмарки привезъ, у знакомаго брата; за Дресвианкой, говоришь, а лошадь-то была, безъ хваста скажу, на всю волость!» Незнакомый взялъ изъ берестяной табакерки, понюхалъ, простился съ мужикомъ и пошелъ къ жилу, а мужикъ все еще стоялъ и хвалилъ табакъ, табакерку и лошадь; на конецъ, и тотъ отправился по дорогѣ.

Прошелъ мужикъ Дресвианку, приблизился къ согрѣ—лошади иѣтъ; пошелъ дальше въ согру, глядитъ:—мелькнуло что-то между деревьями, подходитъ ближе: «вотъ куда лѣтій занесъ, проклятую! Птру, птру!..» кричитъ онъ, увидѣвъ и опознавъ свою вороную,—куда! Лошадь вертится и скачетъ по согрѣ, какъ по бѣломѣху: подпуштіть его къ себѣ на сажень и скакнетъ въ сторону, потомъ, будто играя, пойдетъ ступню; мужикъ, раздосадованный неудачею, направится за нею, вотъ, кажется, у рука, вотъ и схватилъ: «ну, слава Богу...» смотритъ: ни лошади, ни согры; онъ одинъ ползетъ къ медвѣжьему слопцѣ; одно робкое движеніе и онъ сбьетъ настороженные палочки, и толстые кряжи рухнутъ на него всею тяжестью. Отползъ мужикъ отъ ловушки, смотрѣтъ вдаль, за рѣкой большая деревня, изъ трубъ поднимается дымъ, утро, а передъ нимъ вертится доброжелатель незнакомецъ, и илюхаетъ табакъ, и сверкаетъ глазами, и скалитъ зубы.

— Крестьянинъ въ лѣсу ночью не помѣтъ свинуть: этимъ свистомъ онъ боится разбудить спящаго лѣтшаго. Проснувшись отъ свиста мужика, онъ спѣшить отклиknутися ему. Если страшный свистъ лѣтшаго послышался съ запада, напуганный мужикъ, разумѣется, идетъ въ противную сторону; прошедши версты полторы, въ мертвой тишинѣ ночи слышитъ около себя этотъ вѣцій, отглушающій свистъ; вдосталь уничтоженный, онъ продолж-

жаетъ плутать по лѣсу до тѣхъ-поръ, пока не зайдетъ въ мѣсто, совершен-но незнакомое ему; тогда, достигнувъ цѣли, лѣшій идетъ въ избушку и уже крестьянинъ съышитъ не свистъ, а громкій, перекатный хохотъ.

Лѣшій, проснувшись утромъ, заранѣе назначаетъ какую-нибудь лѣсную избушку мѣстомъ своего будущаго ночлега; если охотникъ-промысленникъ прежде его займетъ эту отмѣченную лѣшимъ избушку, тогда лѣшій, ошибившійся въ разсчетѣ, начинаетъ *мутить* надъ мужикомъ, въ надеждѣ выгнать его изъ избы: онъ то вѣтромъ пройдетъ надъ избушкой и пошатнетъ ея хилую кровлю, то, выдернувъ дверь, метнетъ ее далеко въ лѣсъ, то забуровить водою въ рѣкѣ, дунетъ вѣтромъ, тряхнетъ лѣсомъ и подниметъ такой шумъ, какого бѣдному промысленнику, опричь этого случая, и не слыхивать бы вѣкомъ. Если мужикъ, совершенно потерявшиися, струсить до такой степени, что даже не въ состояніи будетъ убѣжать изъ этой проклятой избы, тогда онъ счастливъ: лѣшій, вдоволь наѣшившись надъ нимъ и видя желанія свои выгнать его изъ избы не сбывшимися, отправляется, разосадованный, на другой ночлегъ. Если же болѣе-смѣлый охотникъ захочетъ во что бы то ни стало оставить нечистую избушку, онъ или заблудится, или утонетъ, заведенный лѣшимъ въ озеро, гдѣ его принимаетъ съ рукъ-на-руки другъ и нобратимъ лѣшаго—водяной.

Между здѣшними черношерстыми собаками есть такія, которыя имѣютъ надъ каждымъ глазомъ по бѣлому пятну; расположеніе этихъ ияtenъ относительно одно другаго, довольно-правильно. Частна эти крестьяне зовутъ *другими глазами*, а собакъ, имѣющіхъ надъ глазами эти пятна—*двоеглазками*. Повѣрье говорить о нихъ, что настоящими глазами онъ видѣть предметы, всѣмъ намъ видимые, вещественные; глазами же—пятнами видѣть «непріятную силу». Нѣкоторые изъ здѣшнихъ лѣсниковъ, болѣе другихъ напуганные

«непріятной силой», имѣютъ совершенное отвращеніе отъ собакъ—двоеглазокъ, и какъ бы онъ ни были полезны въ охотѣ, онъ изъ одного страха не согласится промышлять съ *двоеглазкой*. Эти собаки у мужиковъ съываютъ *ретивыми*. Если кто-нибудь, ночуя съ собакой-двоеглазкой въ станкѣ, услышитъ, безъ видимыхъ причинъ, внезапное ворчанье ея, онъ спѣшитъ унять ее, боясь дальнѣйшаго ворчанья собаки раздразнить присутствующаго здѣсь лѣшаго; онъ, по рассказамъ мужиковъ, не терпитъ лая собакъ вообще, и собакъ-двоеглазокъ въ особенности. Мужикъ, дружный съ лѣшимъ, ишелъ съ сосѣдями на свадьбу: тамъ было онъ заурядъ дружки; на свадьбѣ, какъ водится, подпили, подгуляли и вечеркомъ веселые отправились по домамъ. Пьяный дружка захотѣлъ своимъ умѣньемъ похвастать передъ товарищами: «ребята, чего мы не видали иди пѣшкомъ, лучше поѣдемъ!» Отошелъ въ сторону, свиснулъ и колымага, запряженная четверкой породистыхъ лошадей, мчится къ нимъ по дорогѣ; гайдуки соскочили съ запяточъ и съ поклонами приглашаютъ пьяныхъ мужиковъ въ экипажъ. Тѣ, разумѣется, перепугались; дружка снова свиснулъ: колымага, лошади и гайдуки—все прошло! Идутъ мужики впередъ по дорогѣ. Дружка снова захотѣлъ подшутить надъ товарищами: «показать ли вамъ, ребята, куклу? За посмотрѣніе не дорого: завтра утромъ купите полуштофъ на опохмѣлку!». Мужики переглянулись, не успѣли перемолвиться, глядѣть: на красной полосѣ гаснущей зари *отпечаталась* предъ ними огромная, темная, движущаяся фигура человѣка; фигура эта, или, какъ се называлъ дружка, кукла, приближалась къ нимъ; вотъ она уже близко, уже ясно различаютъ мужики движеніе глазъ и мускуловъ этого огромнаго лица; она остановилась: одну руку положила на вершину лиственницы, а другая виситъ въ натуральномъ положеніи. *Мертвѣ* испуганные, они упали безъ движенія на до-

рогу; по утру просыпаются, глядя: колдуна нѣть между ними; тутъ только они вспомнили вчерашніе фокусы дружки. Осмотрѣвшись, они увидѣли какъ онъ виситъ на той лиственицѣ, на которую лѣшний-кукла накладывала руку. Оправдались слова лѣшаго: «если ты меня призовешь и при товарищахъ, я покажусь, только спасиба тебѣ за это не дамъ: наведеть волюшка на неволю!» Вотъ-какъ опасно шутить дружбой этого владыки лѣсовъ.

Крестьянинъ, дружный съ лѣшимъ, уважается между своими собратами; всякий, кто потеряетъ корову, лошадь, идетъ къ нему съ поклономъ, разумѣется, взявъ съ собою предварительно нѣсколько денегъ, которыя и отдаетъ колдуна, съ просьбою вѣрнѣе показать мѣсто, на которомъ можно отыскать пропавшую. Найдетъ своробъ, найдешь и когти. Тутъ открывается широкое поле обмановъ, плутовства, которыми опутываютъ деревенскіе маги своихъ собратовъ; но должно замѣтить, что кѣкъ бы ни были грубы обманы захаря, онъ всегда найдетъ случай оправдать себя, и всегда вина будетъ на сторонѣ простака-просителя.

Лѣшій весьма-высоко цѣнитъ услуги свои: заставить попусту пробѣгать его нѣсколько десятковъ верстъ, значить раздражить его.

Мужикъ приказалъ лѣшему пригнать подъ окно лѣсной избушки стадо лисицъ; исполнитель отправился, а мужикъ той порой поджидалъ къ себѣ жену, которая должна была прійтти къ нему въ эту пору съ хлѣбомъ изъ деревни. Дождался мужикъ жены: сидѣть оба въ избѣ и бесѣдуютъ о домашнемъ. Вдругъ подъ окномъ избы раздалось: «стрѣлай!» Мужикъ съ женой посмотрѣли: подъ окномъ штука десятка-три лисицъ и между ними нѣсколько отмѣнныхъ, чернобурыхъ.

«Стрѣлай, не то убью!» закричалъ голосъ.

Испуганный мужикъ бросился отъ окна; жена его, болѣе смѣлая, машинально спустила курокъ винтовки, и

три подстрѣленныя лисицы завертѣлись. Лѣшій доволенъ: труды его не пропали даромъ. Еслибъ и жена, подобно мужику, струсила отъ угрозы, лѣшій задавилъ бы его.

Вотъ все, что говорятъ здѣсь о лѣшемъ.

Водяной въ здѣшней demonologii играетъ самую мелкую, незначительную роль. Мужики представляютъ его себѣ холостымъ старикомъ-домохозяиномъ. Всякій водяной имѣетъ у себя стада лошадей, коровъ, которыхъ изрѣдка ночью выгоняется для паства на смежные луга; мужикъ, увидѣвъ это, спѣшить за добра ума убраться въ избу; въ противномъ случаѣ, водяной завербуетъ его пастухомъ своего стада.

Нѣкоторые омыты въ рѣчкахъ и озерахъ крестьяне называютъ темными; это, по рассказамъ ихъ, те самые омыты, въ которыхъ живутъ водяные и переплыть кому-нибудь это мѣсто въ рѣкѣ значитъ рискнуть.

Если трупъ утонувшаго чрезъ нѣсколько времени будетъ вытащенъ посиянѣемъ, разлутымъ и вообще безобразнымъ, крестьяне говорятъ, что это водяной подмѣнилъ крещенаго человѣка безобразнымъ «обмѣномъ», а тѣло взялъ къ себѣ, и всякий пренебрегаетъ трупомъ утонувшаго, а жаждѣтъ того человѣка, который, по ихъ понятію, остался у водяного.

Рассказываютъ анекдотъ объ одной утонувшей дѣвушкѣ; она, въ-продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, жила съ водянымъ. Однажды, въ ласній, лѣтній день, подплывъ къ берегу, она услышала колокольный звонъ, свѣтъ солнца, зелень береговъ, цвѣты неба; все это живо пробудило въ ней воспоминаніе о томъ времени, когда и она могла свободно тонуть эту зелень луговъ, безъ боязни войдти въ Божью церковь. Грустная, пошла она въ чертоги водяного и плачетъ, и просится изъ воды посмотретьъ, какъ живутъ люди. Водяной отказалъ, утѣшивъ ее и—все забыто.

Снова, въ солнечный день, подплыла она къ берегу: тотъ же церковный

звонъ, то же солнце сверкаетъ въ листвахъ березняка, тотъ же стоголосный гулъ настѣкомыхъ. Опять, рыдающая, приплыла она къ водяному и снова отказать съ крѣпкимъ наказомъ не подплывать къ берегу.

Въ третій разъ подплыла къ берегу, она не утерпѣла; выскочила на берегъ, и, опознавъ разныя мѣста, пустилась къ отцу. Дѣма ея не признавали и дичились: «побѣги отъ насъ, мы тебя не знаемъ: дочь наша давно утонула».

Вечеромъ одного дня возвращалась она отъ священника по берегу въ деревню; выпрянувшій изъ воды водяной схватилъ ее и черезъ два дня мужики стояли около безобразного трупа, выкинутаго волнами на берегъ и разговаривали про чудесное возвращеніе и про скорую смерть утонувшей, а рѣка шумѣла и волновалась въ бере-гахъ: это водяной тосковалъ и плакалъ о невозвратной потерѣ своей подруги.

Въ Петровскомъ Иправлениі есть деревня; крестьяне зовутъ ее Монастыремъ; выстроена она на берегу озера, имѣющаго въ окружности версты двѣ. Разсказываютъ, что давно тому мужики этой деревни, невода рыбу, вытаскили изъ озера сѣтыми ребенка; ребенокъ рѣзвился, игралъ, когда опускали его въ воду и плакалъ, томился, если вносили его въ избу. Мужикъ-рыболовъ, поймавший ребенка, сказалъ ему однажды: «слушай, мальчикъ, больше тебя томить я не буду, пуши къ отцу въ озеро, только услужи и ты мнѣ: и по вечеру разставлю сѣти, нагони, дружокъ, въ нихъ побольше рыбы». Ребенокъ, сидѣвши на шесткѣ, задрожалъ и глазки его засверкали.

Мужикъ разставилъ крѣпкія сѣти на озерѣ, посадилъ ребенка въ ушатъ и вынесши на берегъ, бросилъ въ воду.

По утру приходитъ мужикъ осматривать сѣть: полна рыбы! Мужичокъ обогатился рыбною ловлей.

Водяной, такъ же, какъ и лѣтій, гнѣвается на того, кто ночью свистомъ побезпокоитъ его сонъ; если свистящій пытается въ лодкѣ, онъ опрокидываетъ лодку и увлекаетъ пловца на лин;

если онъ идетъ по берегу, водяной хватаетъ его съ берега. Здѣшний крестьянинъ боится купаться послѣ заката солнца: «какое теперь купанье, теперь водяной зажигъ». Самымъ опаснымъ временемъ для купанья здѣшніе мужики считаютъ недѣлю предъ праздникомъ Иліи пророка: рассказываютъ, что въ это время водяной ищетъ себѣ жертвъ и развѣ отчаяннѣйшій мужикъ рѣшился купаться на пльнинской недѣлѣ.

Нѣкоторые изъ мужиковъ, проснувшись ночью отъ жажды, не позволяютъ себѣ до *вставальной* поры утолить ее. Начало этого предубѣжденія слѣдующее: мужикъ думаетъ, что если онъ, ночью, выпьетъ ковшъ воды, то долженъ будетъ заплатиться за это здоровьемъ; онъ не потому опасается noctью пить воду, что она въ состояніи испортить его мѣдній желудокъ, иѣть, онъ этого не думаетъ; настоящая причина страха его — какая-то темная, самому ему непонятная дума объ этой водѣ... «Накъ я стану нить воду ночью, можетъ, съ этимъ питьемъ прильнетъ ко мнѣ красная (водяная)!» Вотъ, по ихъ вѣрованію, корень водяной болѣзни. Сматря на одержимаго водяною, мужичокъ самоувѣреніо говорить: «вѣроно испилъ почю, не благословясь, мудро пособлять». Покачаетъ головой и пойдетъ.

Кстати о болѣзняхъ: знаетъ ли вы, что такое болѣзни во снѣ у человѣка и скота? Здѣшніе мужики говорятъ, что всякий человѣкъ бываетъ одержимъ во снѣ различными болѣзнями: водяными, горячками, лихорадки и всѣ эти легкія болѣсти необходимо долженъ претерпѣть всякий изъ людей, какъ наказаніе Божіе, за грѣхи наши. Но Богъ, по милосердію своему, посыпаетъ эти болѣзни человѣку во время сна и если кто-нибудь претерпѣвая во снѣ недугъ, будетъ разбуженъ прежде окончанія его, тогда разбуженный лѣяется болѣнь тою болѣезнью, которая посѣтила его во снѣ и которая необходимо кончила бы, еслибы больной проснулся самъ. Вѣра этому, крестьяне боятся

будить на зарѣ собратовъ своихъ; если же какая-нибудь необходимость заставить непремѣнно разбудить спящаго, когда они съ величайшюю осторожностью начинаютъ его беспоконть, какъ будто тѣмъ самымъ желаютъ ускорить дѣйствіе воображаемой болѣзни и привести ее къ благополучному концу.

Водяной, по разсказамъ мужиковъ, иногда любить пощутить.

Мужики деревни Завѣтъ разсказываютъ, какъ они ежедневно, въ-продолженіе двухъ недѣль, были свидѣтелями игры водяного. Смотрѣть на рѣку: тихо; вдругъ вода заклубится, запѣнится и изъ нея выскочитъ что-то такое, чего нельзя назвать ни человѣкомъ, ни рыбой. Чудо скроется и опять все тихо, а въ пол-верстѣ отъ того мѣста клубится и пѣнится вода и выскакиваетъ опять то же чудо. Мужики хотѣли поймать въ сѣти эту чудную рыбку, но приходскій благоразумный священникъ, бывшій свидѣтелемъ этого, отговорилъ ихъ пускаться на такое смѣлое и не христіанско дѣло.

Два мужика лѣчатъ рыбу. Одинъ, стоящий въ восту съ острогою, снялъ шапку, перекрестился набожно и машинально товарищу рукою грести отъ этого мѣста прочь. Когда они отплыли съ пол-версты отъ мѣста, носовой, обращаясь къ гребцу, спросилъ:

— Видѣлъ?

— Нѣтъ. А что?

— Да развѣ не видѣлъ человѣка: лежитъ на днѣ, и руки распустилъ; не мертвое тѣло—шевелится! Кому быть, опричь водяного!

Пришли мужички въ деревню: •видѣли водяного, въ озерѣ нечисто и рассказали нѣть конца. *

Дни черезъ два, нѣкоторые изъ рыболововъ посыпѣли, отправились до-сматривать чудо. Носовой, увида что-то, дѣйствительно похожее на человѣка, лежащее на глубинѣ двухъ сажень, сильно тягъ острогою. На острогѣ не-обычайная тяжесть, вынули, смотрѣть: огромная щука (16) держитъ въ зу-

бахъ лебедя. Шлывшаго лебедя она схватила зубами и, послѣ упорной съ обѣихъ сторонъ борбы, обезсильвшая, она, наконецъ, упала на дно; а распущенные крылья лебедя въ легко-вол-нующейся водѣ, при свѣтѣ огня, показались мужикамъ за движущіяся руки человѣка. Вотъ и все!

Кромѣ этихъ трехъ представителей злѣйшей непріятной силы, есть еще еретики, полуночники, банники и гуменники. Скажу объ нихъ нѣсколько словъ.

Умирающій колдунъ, знахарь, крѣпко-нѣ-крѣпко наказываетъ окружающимъ не держать тѣла его по смерти на поверхности земли болѣе одного дня. Если наказъ этотъ преступленъ, покойникъ встаетъ въ двѣнадцать часовъ изъ гроба и ходить по жилу до первого крика пѣтуха. Вставъ изъ гроба, первымъ долгомъ считается онъ побывать у бывшихъ родичей своихъ. Здѣсь нужно замѣтить, что если родные умершаго, смѣжившіе ему глаза, озабочились также и руки его сложить крестомъ и если эти руки, сложенные крестообразно, не перемѣнили своего положенія, т. е. заколѣли такимъ образомъ сложенные, то вставшій не можетъ дѣйствовать ими: онъ въ состояніи вредить только зубами, но зубы его, какъ стальные клыки, сокрушаютъ все встрѣчающееся. Иродолжаю пачатое. Вставшій мертвецъ - еретикъ, спѣнитъ къ бывшимъ роднымъ: прогрызенною дверью онъ врывается въ избу и, прежде всего, бросается къ зыбкѣ, если она есть въ избѣ. Высо-савъ кровь младенца, онъ за тѣмъ же обращается къ прочимъ живымъ въ домѣ. Первый крикъ пѣтуха повергаетъ его окровавленного на землю. Тогда въ сердце его вбиваются осиновый коль и кладутъ его въ гробъ ницъ. Для безопасности дома отъ подобныхъ ночныхъ посѣтителей и посѣтительницъ—

ка-исполнѣнъ, пойманная когда-то въ одномъ изъ множества озеръ Сійскаго-Монастыря св. Антонія.

А. Х.

(16) Это быль. Кому не известна щу-

еретиковъ и еретицъ, держать въ домѣ траву чертополохъ, которой, говорять, какъ креста боится вся эта могильная сволочь. Нѣкоторые для того же держать въ домѣ какую-то траву осотъ; вотъ какъ они ее описываютъ: «есть трава осотъ, вельми добра; кто знаетъ ее и тотъ великъ талантъ пріобрѣаетъ на земли; листѣ у ней, что денежки, высота въ пѣдь; цветъ на ней разныи, всякии, а растеть она по сильнимъ мѣстамъ раменскими (?), и та трава иному покажется, а иному не покажется... а корень ея такъ свѣтлъ, какъ воскъ, и растеть она при морѣ, а именуется паръ во травахъ».

Мужикъ ночью пошелъ къ зароду привести во дворъ лошадкъ и нашъ сѣна; на возвратномъ пути онъ слышитъ за собою топотъ. Оглянулся мужичекъ — и чуть не умеръ со страха: освѣщенныи мѣсяцемъ, заинимъ ичится еретикъ, съ сложенными крестообразно руками. Вотъ онъ ужъ близко: уже мужикъ слышитъ скрипѣніе желѣзныхъ зубовъ его, уже вѣтеръ наносить на мужика могильный запахъ живаю трупа. Отчайнныи мужикъ вѣѣгаетъ въ первое попавшееся ему строеніе. Захлопнувъ крѣпко-на-крѣпко дверь,—а мужичекъ слыхалъ, что еретики сильны только зубами,—онъ осмотрѣлся и узналъ въ этомъ строеніи собственное же свое гумно: «онъ не видѣлъ, какъ я вѣжаль сюда», думаетъ мужичекъ, сидя въ гумнѣ, «не собачье же у него, у погани, чутье, да что тутъ говорить: сказано, что еретикъ, такъ... не успѣлъ кончить мужичекъ думки, какъ послышались толчки и вскорѣ древесина посыпалась на землю опилками отъ стальныхъ зубовъ еретика. Вотъ уже прогрызено значительное отверстіе, еще не много и еретикъ вскочить на диру, и смерть мужика неизбѣжна (17).

Здѣсь говорятъ, что всякое сопротивление еретику напрасно: онъ не боится огня, ни меча.

Какъ увидѣлъ отчаянныи мужичекъ нелюдское лицо еретика и зубы его, замолился онъ не своимъ голосомъ: «дядя гумѣнникъ, не продай, дядюшка, въ бѣдности, побратайся съ поганымъ еретикомъ; за эту службу весь я твой, душой и тѣломъ!»

Только кончилъ мужикъ эту рѣчь, въ прогрызенное отверстіе въ двери овина ворвался еретикъ. Добрый гумѣнникъ услышалъ голосъ мужика и, схвативъ еретика, закружился съ нимъ, невидимый, по полу овина (18). Удивленный мужикъ, видя еретика скалящаго зубы и вертящагося на полу, не понимаетъ причины этого. Неясная дума говоритъ ему, что это продолжки заступника его—гумѣнника; мужикъ, глядя на эту борьбу, достойную пера Гофмана, въ которой изъ двухъ жестокихъ соперниковъ виденъ только одинъ, не смѣеть шептать молитвы; онъ боится этии обезоружить, прогнать благодѣтельного заступника—гумѣнника. Раздался крикъ пѣтуха и борьба кончена: окровавленный, истерзанный еретикъ растянулся пластомъ; онъ уже обезоруженъ. Вотъ все, что можно сказать о непокойномъ покойникѣ—еретикѣ.

Отецъ єъ сыномъ, настрѣявъ много дорогихъ звѣрей, пришли въ станокъ. Звѣринья шкуры сняты, усталый, дряхлый отецъ спить, а сынъ, глядя на старика, думаетъ не честную лумку: «убью батюшку, кто видитъ? Шкуры продамъ: рублей сотъ пятокъ выручу, — важиву не хуже любова богача».

Вынесъ онъ шкуры изъ избы къ озеру, приперъ снаружи дверь толстымъ краjemъ, разложилъ подъ углы сухихъ дровъ, подложилъ огонь; пламя засвистѣло и испуганный отцеубийца побѣжалъ, сопровождаемый звуками дребезжащаго голоса старика-от-

(18) О лѣшихъ, водяныхъ, домовыхъ, баникахъ и овинникахъ, крестьяне говорятъ какъ о духахъ, способныхъ, по произволу, принимать на себя вещественный, видимый образъ.

ца · Семенъ, Семенъ, слыши, Семенъ,
гдѣ ты..... Семенъ, голубчикъ.....
ахъ!.... Зажавъ уши, чтобы не слы-
шать, онъ бѣжитъ, бѣжитъ дальше,
въ лѣсъ.....

Продаль, хуже, чѣмъ продаль,
убилъ сына отца, промаячилъ съ ну-
жай первые дни, когда совѣсть, какъ
обухомъ, или молотомъ по наковальнѣ,
колотила мозгъ его, промаячилъ, го-
ворю, эту пору, продаль на ярмаркѣ
за безцѣнокъ зѣбриняя шкуры, а не
теперь сказано и не нами: что легко
наживается, то еще легче проживаетъ-
ся, пошелъ мужичекъ по трактирамъ,
по харчевнямъ, положилъ онъ тамъ въ
три дня выручку свою триста рублей.
Правится домой мужикъ: только сѣ-
рый, орѣшній армякъ на плечахъ,
ла устюжские сапоги на погахъ оста-
лись послѣ выгодной продажи шкуръ;
правится онъ, повторяю, а его сзади
доправляютъ трактирные товарищи
его: «богатъ больно: въ три дня такую
сибу денегъ оставилъ; настигомъ, по-
ложимъ, много ихъ здѣсь въ туалру за-
пихано: лежи до дѣла, пока не спро-
сять, а денежки, которыя лишнія (19),
оберемъ: съ ними не хуже!» Какъ ска-
зано, такъ и сдѣлано: мужикъ богачъ
убить, а душа его всякую щечь ле-
таетъ на мѣсто послѣдняго ночлега
сожженного отца, прося прощенія.
Эта-то тѣнь мужика-отцеубійцы, ог-
лашающая воплями окрестности сго-
рѣвшей избушки, и называется здѣсь
полуничникомъ. Если кто-нибудь изъ
мірянъ захочетъ успокоить несча-
стную тѣнь сына, тогда онъ ставить
надъ могилою старика крестъ, и тѣнь
рѣже посѣщаетъ мѣсто убийства.

Быть-можеть, читающій полуумаетъ,
что всѣ эти мученія души убійцы послѣ

смерти его, витаніе ея надъ прахомъ
убитаго слишкомъ высоки для простой,
насущной фантазіи мужика-сѣверяка.
На это я отвѣчу, что, описывая демо-
нологію народа, сочинять подобныя
дегенды, по-крайней-мѣрѣ я, рѣши-
тельно не хочу и не способенъ, а за-
мыкать въ такія тѣсныя рамки фанта-
зію нашего мужичка всякий можетъ и
никто ему въ этомъ не поперечить.
Почти всѣ анекдоты, включенные
мною въ эту статейку, слышаъ я отъ
мужиковъ не какъ разсказы, обращен-
ные комъ собствено, а какъ анекдоты,
разсказываемые ими одинъ другому,
анекдоты на-распашку, откро-
венные, дружескіе.

Гумѣнники живутъ въ гумнахъ,
банники, въ баняхъ. О нихъ такъ
рѣдко говорятъ мужики и все, что
говорятъ они, такъ противорѣчить
одно другому, что и писать объ
этомъ, по моему, не должно бы. Про
гумѣнника говорятъ, что онъ мужику,
дружному съ нимъ, направляеть,
Богъ вѣсть откуда, хлѣбъ, такъ-что
мужикъ въ-теченіе зимы и весны, не
прибѣгая къ куплѣ, самъ еще продаетъ
лишній хлѣбъ на базарахъ; гово-
рятъ, что онъ въ своемъ владѣніи, въ
гумнѣ, не любить почтежниковъ и ни
одинъ благоразумный мужикъ не со-
гласится одинъ ночевать въ овинѣ,
боѧсь быть задавленнымъ. Покорное
слово, какъ мы видѣли изъ разсказа
про мужика, скрывшагося отъ ерети-
ка въ овинѣ, пріятно и любо ему.

Про банника говорятъ, что онъ не
любить того, кто позднѣе двѣнад-
цати часовъ ночи моется въ бани;
если этотъ моющійся одинъ въ бани,
то банникъ убиваетъ его камнемъ; въ
противномъ случаѣ онъ выжидаетъ
случаи, когда тотъ одинъ будетъ мыть-
ся послѣ двѣнадцати часовъ. Вообще,
важно замѣтить, что здѣшніе кресть-
яне весьма бояться слишкомъ-поздно
оставаться наединѣ въ баняхъ. Иногда
банникъ любить подшутить надъ жен-
щинами: ужасное хрѣпѣніе, вой за ка-
менкой, или хохотъ и свистъ внезапно
выгоняютъ ихъ съ вѣромъ и визгомъ

(19) Которы(e, я) лишнi(e, я) это при-
словіе, совершенно безсмысличное весьма-
часто приплетаютъ къ разговорамъ ни къ
селу, ни къ городу; такъ на сельскихъ
сходкахъ, скднахъ десятскій вызываетъ
на дворъ мужиковъ, скопившихся въ мір-
ской избѣ: «Эй, вы, выходити, которые лиш-
ніо... и пр. значить: выходи всѣ, кто
есть въ избѣ.

изъ бани, въ одѣждѣ прародителей до грѣхопаденія.

Кромѣ означеннѣхъ еретика и еретицы, есть еще непокойные покойники, называющіеся этими именами; это утонувшій колдунъ и колдунья. Утонувшій мужчина плыветъ, обыкновенно, по теченію рѣки, ниць, женщина, какъ извѣстно, плыветъ съ теченіемъ лицомъ вверхъ. Если кто-либо увидитъ утопленника, плывущаго вверхъ лицомъ, или утопленницу, плывущую ниць, чтѣ также случается, то онъ, оградясь крестомъ, спѣшить удалиться отъ вихъ, твердо увѣренный, что видѣлъ еретика — утонувшаго колдуна, или еретицу — утонувшую колдунью. Если кто нибудь по незнанію, соблазнится новыми сапогами утонувшаго, что, нѣчего грѣха таить, также бываетъ, и, перенявши трупъ, ограбить его, то онъ долженъ въ-продолженіе двѣнадцати ночей упрашивагъ беспокойнаго покойника — отпустить ему вину его, потому-что ограбленный въ-продолженіе двѣнадцати ночей будетъ беспокоить вора.

Крестьяне, почитающіе себя колдунами, живутъ, по обыкновенію, на счетъ довѣрчивыхъ собратовъ своихъ.

Если бѣдный мужикъ крѣпко задумается о богатой дочери сосѣда, и послѣ всѣхъ стараній и домогательствъ отчаявшись склонить непреклонную, все еще будетъ думать о ней, тогда онъ идетъ къ колдуну съ поклономъ: присущитъ къ нему ту, которая прежде не хотѣла удостоить его своимъ словомъ; «прильнешь же ты ко мнѣ, какъ слѣпой къ тѣсту, прильнешь, побѣжишь за мной и въ огонь и въ воду!» Это дума любовника, идущаго къ колдуну за присущными зельями. Дверь избушки отворилась: носомъ къ носу съ нашимъ обожателю встрѣтился колдунъ, старикъ Никифоръ, выходящій изъ своего дома.

«Куда снѣлся, дядюшка, а я до тебя!»

— Проходи въ избу, дружекъ!

Мужичокъ излагаетъ предъ нимъ исторію страсти своей; колдунъ, ко-

торому пособить чужому горю все равно, что намъ, грѣшнымъ, выпить стаканъ воды, нетерпѣливо киваетъ головой, понуждая рассказчика торопиться. Рассказъ конченъ; колдунъ вынимаетъ какой-то допотопный пряникъ, и, принявъ таинственной видъ, начинаетъ, поводя глаза и расширяя по временамъ ноздри, наговаривать на этотъ знаменитый пряникъ; вотъ-вамъ наговоръ отъ слова до слова.

«Во Имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій N, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за ворами; взмоялюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: вѣтеръ Моисей, вѣтеръ луна, вѣтры буйные вихори! Дуйте и винтите по всему бѣло му сѣту и по всему миру крещеному, распалите и разожгите и сведите рабыню NN сомною, съ рабомъ Божіемъ NN: душа съ лушей, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хоть съ хотью. Не уроните той моей присухи ни на воду, ни на зѣсь, ни на землю и не на скотину: въ воду сроните, — вода высохнетъ; на зѣсь сроните — зѣсь повянетъ; на землю сроните — земля сгорить; на скотину сроните, скотина посохнетъ. Снесите и донесите, вложите и положите въ рабицу Божію NN въ краевую дѣвицу: въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и въ плоть: чтобы красная дѣвица не могла безъ меня раба Божія NN ни пить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, о мнѣ, рабѣ Божіемъ NN, тужила бы и тосковала и никогда бы не забывала. Есть въ чистомъ полѣ, сидить баба сводница, у бабы у сводницы стоить печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоить кунганъ літъ (?), въ томъ кунганѣ літъ, «всакая вещь» кипить перекипаетъ, горить перегараетъ, сохнетъ и посыхаетъ. И такъ бы о мнѣ, рабѣ Божіемъ NN, рабица Божія NN сердцемъ кипѣла, кровю горѣла, и не могла бы безъ меня, раба Божія ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, ни питіемъ отпитися, ни дутьемъ отдуться и ве въ парной банѣ

отпариться. Тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, аки ключь на церквѣ. Во Имя Отца и Сына и Св. Духа Аминь З..

—Стану я, рабъ Божій Н., благословясь, пойду, переврестясь: изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле на три розстани; помолюся я, рабъ Божій, тремъ братамъ, тремъ вѣтрамъ: первый братъ вѣтеръ восточный, второй вѣтеръ западъ, третій вѣтеръ сѣверъ! Внесите тоску и сухоту въ рабицу Божію Н., чтобъ она о мнѣ, рабѣ Божіемъ, сохла и тоскнула; не могла бы ни дня дневать, ни часа часовать, отнынѣ довѣка и во вѣки. Аминь З..

Мужикъ, получивъ отъ колдуна прянікъ, надъ которымъ онъ такъ усердно и громогласно читалъ свой наговоръ, ищетъ случая отдать его своей возлюбленной. Если это ему удастся,— она побѣжлена; въ случаѣ неудачи, колдунъ обвиняетъ просителя: ты не такъ сдѣлалъ, вакъ должно было сдѣлать, утратилъ то или другое; если же ты и въ точности выполнилъ наказъ мой, то, вѣрно, кроме той у тебя на уме бродить еще какая нибудь дѣвка, иначе наговоръ подействовалъ бы. Впрочемъ, у меня есть наговоры и послуже этого. И колдунъ опять въ барышахъ: неотвязчивый проситель, помогаясь еще лучшаго, дѣйствительнѣшаго наговора, кланяется ему нѣсколькими рублями денегъ, буракомъ масла, или жирною овцою.

Истый колдунъ необходимо главное лицо на свадьбахъ. Онъ, по обыкновенію, играетъ роль дружки. Движенія его въ-продолженіе свадебныхъ церемоній какъ-то таинственны, загадочны и какъ-вельза-болѣе умѣстны въ его званіи; этими загадочными движеніями, разводами рукъ, ни съ того, ни съ сего закатываніемъ подъ лобъ глазъ, раздуваніемъ ноздрей онъ выигрываетъ расположенія хозяевъ и удовольствіе, болѣе, чѣмъ удовольствіе,—гордость гостей. Въ лицѣ дружки такъ привыкли видѣть всѣ человѣка необыкновенного своими странными выход-

ками, что если бъ посадить на его мѣсто кого-либо изъ среды гостей — тогда бы и свадьба не въ свадьбу: самозванецъ — дружка сидѣлъ бы, какъ ворона, въ перьяхъ павлина. «Собакъ ему дружить, а не крещеныхъ людей!» раздалось бы со всѣхъ сторонъ.

А знаете ли вы, для чего здѣсь на свадьбы приглашаютъ этихъ неизѣжныхъ дружекъ? Вѣроятно, вы, какъ и многие, думаете, что дружка на свадьбѣ долженъ сдружить на всю жизнь часто едва знакомыхъ жениха и невѣstu, поселить между ними любовь и согласіе съ первого дня свадьбы и на всю жизнь? Если вы такъ думаете, вы въ половинѣ угадали. Главное же, въ что приглашаютъ, поять, кормить и дарить дружекъ, что онъ, дружка, защища, оборона всего свадебнаго поѣзда отъ порчельниковъ (1).

Свадебный поѣздъ въ церковь, или изъ церкви, это великое дѣло въ общемъ составѣ свадьбы Дружка предъ поѣздомъ скученъ, недовѣрчивъ, онъ какъ-будто не надѣется на себя, на свое умѣніе; поѣздъ счастливо конченъ и дружка торжествуетъ. Что же это за опасный поѣздъ? спросите вы. Да, этотъ поѣздъ опасенъ какъ для всѣхъ вообще, такъ и для дружки въ особенности. Объяснюсь.

Въ околодкѣ чуть только заслышишь про свадьбу, тотчасъ пойдуть разговоры, разспросы: кто будетъ на свадьбѣ дружкой. Стариковъ-захарей много,—всѣхъ не позовешь, выбирать трудно: одного позвовешь — другой сердится: зачѣмъ не его позвалъ, а другаго. Дружка, приглашенный на свадьбу, это заклятый врагъ, цѣль насмѣшекъ, обидъ всѣхъ стариковъ-захарей, живущихъ съ нимъ въ одномъ околодкѣ и имѣющихъ претензіи на первенство на свадьбѣ.

(20) Порчельникъ, нач. порча, человѣкъ нортящій другихъ словами или наговорами, пускаемыми по воздуху, причиняющій зло другимъ.

Завтра свадьба. Вечеромъ, наканунѣ этого дня, собирается человѣка два-три внахарей на совѣтъ: надобно завтра, общими силами, уничтожить, пристыдить дружку, если можно, превратить его и свадебный поѣздъ въ черныхъ вороновъ, или сѣрыхъ волковъ. Для исполненія этого заговора, въ числѣ заговорщиковъ долженъ быть такой, который бы зналъ ими въ этомъ дѣлѣ превосходицъ самого дружку; въ противномъ случаѣ вся бѣда падетъ на заговорщиковъ: они или змѣями поползутъ въ валежникъ, или тутъ же, на мѣстѣ, будутъ убиты воздушнымъ гнѣвомъ дружки.

Одинъ изъ среды заговорщиковъ торжественнымъ образомъ осмѣялъ способности дружки.

« Да что онъ мнѣ? Я его однимъ словомъ въ рукавицу вложу, пойдемъ завтра, братаны, стеречь поѣздъ; какъ поѣдуть, кто чemu гораздъ, тотъ то и смѣйкай: опомнился, неразумные, выставятъ намъ ва брата по велру водки, а безъ того хоть вѣкъ волкою рыскай! »

Общество лютыхъ чернокнижниковъ расходится и каждый изъ нихъ думаетъ о завтрашнемъ днѣ со страхомъ и трепетомъ: ни кто не надѣется на свои силы, никто не хочетъ, въ наказаніе за обидную всему поѣзду насмѣшку, побѣжать въ лѣсъ волкомъ; всякий боится чумѣнья приглашенаго дружки, хотя въ общемъ засѣданіи и однимъ словомъ, пущеннымъ по вѣтру, гнули его въ рукавицу.

Должно упомянуть, что всѣ эти порчи свадебъ живутъ въ памяти народа не болѣе, какъ « преданья старины глубокой ». Поговариваютъ крестьяне, что если гдѣ-либо и сохранились эти, когда-то греицѣвіе знаменитостью, — порчельники, то это въ Мезенскомъ-Уѣздѣ, а отнюдь не вѣдѣсь.

Порчельники, въ ожиданіи свадебного поѣзда, сидятъ спрятавшись въ зародахъ сѣна, или въ кустахъ, въ сторонѣ отъ дороги.

Едва показался ожидаемый поѣздъ, тотчасъ они начинаютъ шептать таин-

ственныя слова (21), которыми преградить подвластныхъ имъ духовъ остановить поѣздъ. По произнесеніи этихъ словъ, лошади шарашутся, упираются и, по-нуждаемыя мужиками, падаютъ безъ движенія. Если дружка, приглашенный провожать поѣздъ, до такой степени внашющъ, что можетъ властю своею уничтожить заговоръ недруговъ, онъ спѣшишь исполнить это; заговорщики же, по произнесеніи таинственныхъ заговоровъ, спѣшатъ какъ можно-скорѣе удалиться со старого мѣста и оставляютъ тамъ, вмѣсто себя, свое платье: армякъ, шапку, не забывъ заговорить на оставленный вещи таинственные слова.

Раздраженный дружка посыаетъ свой гнѣвъ по воздуху на возмутителей порядка въ поѣздѣ, и шапки, армяки, которые порчельники оставили вмѣсто себя на мѣстѣ своей старой заложи, вихремъ крутятся въ воздухѣ и летятъ по вѣтру клочками. Если порчельники были такъ неосторожны, что не оставили на старыхъ мѣстахъ своихъ этихъ вещей, или и вовсе не перемѣнили мѣста, то съ ними бываетъ то же самое, что съ шапками ихъ.

Междудѣньемъ, шутки колдуновъ отчесу становятся занимательнѣе: обиженные порчельники пескомъ и пылью васыпаютъ глаза всѣхъ, участвующихъ въ поѣздѣ, и продолжаютъ перемѣнять мѣста; дружка искать ихнему лопотью; наконецъ, когда онъ уже не въ состояніи противиться соединенной силѣ трехъ колдуновъ, онъ спѣшишь послать къ нимъ по воздуху вѣсть мира. Словомъ въозстанов-

(21) При всѣмъ желаніи моемъ достать эти заговоры, я не могъ успѣть въ этомъ: въ нѣкоторыхъ травяникахъ встрѣчались я какія-то безсмысленные слова, въ родѣ тѣхъ, которыми наши шарлатаны сопровождаютъ свои фокусы: фокусъ, покусъ, цени, вени, вола и пр.; быть-можеть, это тѣ самые заговоры, которые состязавшіеся колдуны посыпали одинъ на другаго.

ляется и торжествующая, полуобнаженная засада лютыхъ чернокнижниковъ, съ лицами, ободранными о сучья, выходить за полученiemъ извѣстной контрибуціи: по ведру водки на брата. Если черезъ-чуръ обиженные порчельники не пожелають смириться, то свадебный поѣзъ сѣрыми волками разбѣгается по лѣсамъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ о послѣднихъ минутахъ деревенского мага.

Умирающій колдунъ, взахарь, заставъ окружающимъ не держать тѣла его на поверхности земли долѣе одного дня (22), спѣшить удалить отъ себя вѣхъ, подчиненныхъ ему, духовъ, обременяя ихъ на это время какою-нибудь трудною, неисполнимою работою: принести въ закупоренной бутылкѣ въ темную горницу дневнаго сѣста и проч. Онъ, по какому-то тайному побужденію, чувствуетъ приближающейся часъ кончины своей. Если же въ часъ смерти его предстанетъ предъ имъ кто-нибудь изъ друзей, тогда умирающій начинаетъ беспокоиться и преданный и предупредительный другъ его первый разъ въ жизни начинаетъ быть ему въ тягость. Онъ, другъ его, неотступно требуетъ отъ умирающаго другаго повелителя: ты погинешь, говорить опъ ему, а мы куда безъ тебя? Отдай вѣсъ кому-нибудь, кто бы такъ же, какъ и ты, не давалъ намъ шататься безъ дѣла; мы будемъ служить ему такъ же вѣроно, какъ и тебѣ служили, а безъ дѣла намъ жить не приводится. Петербургскій другъ заставитъ умирающаго потерпѣть нѣсколько судорогъ и снова, съ обязательнымъ смѣхомъ, слышнымъ одному колдуну, спрашивается: что жъ, будетъ ли смѣна?

Бѣдный колдунъ въ правѣ передать легіоны слугъ своихъ только ближайшему изъ родныхъ; онъ въ правѣ слѣдить это безъ вѣдома того, кого хочетъ одолжить друзьями-прислужниками;

но захочетъ ли онъ, въ послѣдній часъ жизни своей, опутывать кроваго своего тою страшной сѣстью, изъ которой невозможно выпутаться, кто хотя разъ самъ запутался въ ней, или былъ опутанъ другими.

Неотступный представитель сонма духовъ - прислужниковъ снова рванулъ подковѣнныя жилы умирающаго, и тотъ, застонавъ, повель его въ лѣсъ. Пришли. Колдунъ сзываеть всѣхъ служащихъ ему духовъ и, обращаясь къ первому домовому съ причтомъ, говорить: «ляда домовой, спасибо тебѣ за службу; садись, поѣзай въ сердцевину этой палки». Домовой исполнилъ въ точности приказаніе; колдунъ втыкаетъ гладкій, остrogанный посошокъ въ землю близъ дороги и говорить: кто первый коснется палки этой, тому служи такъ же, какъ и мнѣ служилъ; будь при жизни его казакомъ; по смерти онъ будетъ твоимъ. Сказано, сдѣлано: домовой силить въ сердцевинѣ посошка до-тѣхъ-поръ, пока какой-нибудь прохожій не возьметъ посоха, и тогда ватаги духовъ внезапно явятся къ изумленному и никакая сила не въ состояніи отогнать домового отъ новаго знакомца. Точно также поступаетъ онъ и съ прочими слугами своими. Пристронивъ всѣхъ ихъ подобнымъ образомъ, колдунъ умираеть покойно.

Въ заключеніе статьи напишу нѣсколько здѣшнихъ повѣрій.

Крестьянинъ, желающій узнать, будетъ ли живъ больной, кладетъ ему между ножныхъ пальцевъ кусокъ хлѣба; чрезъ нѣсколько времени вынимаетъ онъ положенный кусокъ и бросаетъ собакѣ: если она сѣсть этотъ кусокъ — больной встанетъ, «другомя — ладъ гробъ!»

Крестьяне — мнительные мужья, нашли средство испытывать вѣрность женъ своихъ, спрашивая ихъ же самихъ объ этомъ. Средство это состоять вотъ въ чемъ: нужно найти траву, которую здѣшние знахари называютъ «расна, растетъ кустиками», маленька, сипеченька по землѣ разстилаетъ

(22) См. въ этой же статьѣ описание еретика.

ся, «нашелши этой травы, нужно положить стебель ея женѣ въ головы и— секретъ открыть: мужикъ или обрадованъ или забѣшенъ: «она все скажетъ: что бывало и съ кѣмъ жила и что на тебя мыслить, а положи непросто» (23).»

Если куры почему-либо не кладутъ яицъ, опытная хозяйка-обрядиха куритъ на шесткѣ хлѣбными отрубями (мучными), посыпая на нихъ по временамъ золы. Говорятъ, что куры, наслушавшись этого курева, начинаютъ нестись.

Прежде нежели начнетъ мужикъ, при постройкѣ дома, класть основныя бревна, онъ вакащиваетъ въ землю, противъ того мѣста, где будетъ кутокъ (большой уголъ), нѣсколько денегъ и ячменныхъ зеренъ, вѣроятно для того, чтобы въ новопостроенномъ домѣ не переворизись деньги и хлѣбъ; за тѣмъ приноситъ пѣтуха: если онъ пропоетъ на новосельѣ—счастье, въ противномъ случаѣ — горе. Нужно прибавить, что взѣсь не имѣютъ обыкновенія, по какимъ-то предубѣженіямъ, начинать постройку избы въ ущербѣ мѣсяца.

А Харитоновъ.

17 декабря 1847 года.

Архангельскъ.

ОТВѢТЪ Г-НУ А...У НА ЕГО ОТЗЫВЪ «О РѢЧИ ПРОФЕССОРА ГОФМАНА, ПО СЛУЧАЮ ИЗДАННОЙ ИМЪ КНИГИ: «ДОНАТЪ» (*).

Въ отчетѣ Московскаго Университета за 1841 годъ помѣщена рѣчь профессора Гофмана: «De Graeca tragœdia in sacris rōpēnda». Здѣсь не мѣсто говорить о достоинствѣ этой рѣчи. Она, какъ и все написанное на латинскомъ языкѣ, болѣе-и-болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что писать на древнемъ языкѣ о какомъ-либо предметѣ, согласно съ современнымъ воззрѣніемъ, не только безполезно, но и невозможно. Причина такой невозможности лежитъ въ самомъ значеніи языка, какъ выраженія степени развитія народа. Разсужденіе, писанное на древнемъ языкѣ, непремѣнно должно быть ниже современного воззрѣнія: въ противномъ случаѣ, форма не выразила бы содѣржанія. Справедливость нашего мнѣнія доказывается тою трудностью, которая встрѣчаетъ насъ всегда, когда на древнемъ языкѣ стараемся мы выразить понятіе современное. Эту трудность безъ сомнѣнія встрѣчалъ и г Гофманъ. Борьба между мыслью и выраженіемъ этой мысли слишкомъ замѣтна въ его рѣчи: часто мысль кажется какъ-бы недосказанною; часто

(*)Редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» получилъ эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. Занимаясь преподаваніемъ латинскаго языка во Второй Московской Гимназіи, я руководствуюсь въ письмахъ классахъ «Донатомъ». Уже одна цѣль автора — замѣнить безсвязное заучивание грамматическихъ формъ разумнымъ, систематическимъ изученіемъ языка, заслуживаетъ полной признательности. Въ 3-мъ номерѣ «Москвитянина» явилась статья, которой авторъ старается уничтожить вся кое довѣріе къ книгѣ г. Гофмана. На эту статью я счелъ себя почти обязаннымъ написать отвѣтъ, который прошу вѣсть, м. г., помѣстить въ вашемъ журнале. Пишу честно и пр.»

(23) Здѣсь помѣщены загадочные буквы, которыми кончается статейка. Половѣре это выписано мною въ «травеникахъ», писанного однимъ крестьяниномъ въ прошломъ столѣтіи.